

Н. Г. СМІРНОВ

Государство Солнца

Исторический роман

ЗЕМЛЯК
2007

0.0/0
X100

ZEMLYAK
2120 PRINCETON PLACE
SAINT LOUIS, MISSOURI 63117
USA

THIS EDITION FIRST PUBLISHED BY CLAY JURA'CSIK IN 2007

MADE AND PRINTED IN NORTH AMERICA
ZEMLYAK
ST. LOUIS, MO

EXCEPT IN THE UNITED STATES OF AMERICA,
THIS BOOK IS SOLD SUBJECT TO THE CONDITION
THAT IT SHALL NOT, BY WAY OF TRADE OR OTHERWISE,
BE LENT, RE-SOLD, HIRED OUT, OR OTHERWISE CIRCULATED
WITHOUT THE PUBLISHER'S PRIOR CONSENT IN ANY FORM OF
BINDING OR COVER OTHER THAN THAT IN WHICH IT IS
PUBLISHED AND WITHOUT A SIMILAR CONDITION
INCLUDING THIS CONDITION BEING IMPOSED
ON THE SUBSEQUENT PURCHASER

000101000101-100
X000(09)-07

FORMAT (COVER, TITLE PAGE)
ZEMLYAK, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ПОБЕГ

1. Наша жизнь на Камчатке	5
2. Новые люди	10
3. Новые дела	14
4. Школа	17
5. Охота на соболя	22
6. Первые вести о Государстве Солнца	26
7. Я узнаю все	29
8. План побега и наши затруднения	32
9. Встреча Нового года	36
10. Измена	39
11. Неожиданный оборот	42
12. Сборы на Лопатку	46
13. Изменнику смерть	50
14. Весна	54
15. Неожиданная подмога	57
16. Начало войны	60
17. Военные хитрости	64
18. Несчастье	67
19. Все – наше	72
20. Последние сборы	76

Часть вторая

КАМЧАТКА – ПАРИЖ

1. В море	82
2. Заговор	86
3. Курс на север	91
4. Поворот на 180	95
5. Остров, не занесенный на карты	102

6. Япония	106
7. Скитания по морям	113
8. Формоза	116
9. Тяжелые времена	125
10. Европа	134
11. Самое трудное дело	139
12. В пут	144

Часть третья

ГОСУДАРСТВО СОЛНЦА

1. Иль-де-Франс	148
2. Тапробана в натуральном виде	152
3. Первые шаги	158
4. Враги и друзья	161
5. Полоса дождей	168
6. Разведка в глубь острова	172
7. Город Здоровья	175
8. Последняя стычка	181
9. Через два года	183
10. Комиссары французского короля	189
11. Ампансакаб	192
12. Государство Солнца	196
13. Один	200
14. Встреча	204
15. Последняя глава	208

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ПОБЕГ

1. НАША ЖИЗНЬ НА КАМЧАТКЕ

- Лёнька, - сказал мне отец, - выйди-ка на двор. Если кого увидишь, стукни пяткой в порог два раза.

Я знал, что это значит: отец решил посмотреть порох, который хранился у него под кроватью в окованном железом сундучке. Поэтому, не задавая лишних вопросов, я вышел во двор и стал перед дверью.

Этот сундук с двумя пудами пороха был нашим единственным достоянием. Отец считал, что порох вернее денег, сахару, табаку. Он выменивал его где только возможно и на что возможно. И вот лет за десять накопил два пуда. От всех он скрывал своё богатство.

Один раз только, когда рыба не подошла к нашим берегам и начался голод, он отсыпал порядочный мешочек и променял его на оленью самку – нямы. Самку эту мы ели две недели, а потом подошла рыба. И ещё помню, как однажды отец собрался умирать от горячки, позвал меня и сказал едва слышно:

- Береги, Лёнька, порох – тебе его на всю жизнь хватит. Поклянись, что не будешь менять на водку, как вырастешь. И палить не будешь зря...

Обливаясь слезами, я дал клятву. Отец тогда не умер, но я запомнил мою клятву на всю жизнь: всегда относился к пороху бережливо, хоть и получил ружьё в руки с двенадцати лет. Правда, ещё задолго до этого я ходил с отцом на охоту, присматривался к его повадкам. Но с двенадцати лет я получил ружье в собственность, охотился один и стрелял наверняка, особенно если удавалось положить дуло на что-нибудь. А палить зря мне и в голову не приходило.

Но все-таки я не понимал бережливости отца. Мы хранили богатство в сундучке под кроватью, а сами жили скверно, не лучше камчадалов. Одевались, как и они, в оленьи меха, питались главным

образом рыбой. Хлеба и сахару не видали по несколько месяцев. Правда, могли бы и лучше жить, даже не тратя пороху. Но по закону каждый ссыльный должен был приносить в канцелярию начальника Камчатки пятьдесят шкурок соболей и горностая в год. А это составляло добрую половину нашей добычи. Да к тому же канцелярские чиновники и солдаты обирали нас.

Жаловаться было некому, драка с солдатами каралась смертью, и приходилось поэтому помалкивать.

Жили мы в поселении ссыльных, недалеко от Большерецка, на Камчатке. Здесь я и родился в 1756 году. Отец мой был из государственных крестьян, и звали его Степан Иванович Полозьев. В молодости он бы приписан к уральскому железному заводу Сиверса. В пятьдесят третьем году его послали рабочие как грамотного в Питер жаловаться самой царице Елизавете на хозяев. Но до Питера он не добрался: по дороге его схватили вместе с товарищем, наказали плетьюми и сослали на вечную ссылку в Сибирь. Из Нерчинска, где ему пришлось жить, он попытался убежать. Но его поймали, вырвали ноздри особыми щипчиками и запороли бы до смерти, да пожалели: был он хороший кузнец, а в Сибири такие люди нужны. Только с вырванными ноздрями Нерчинский начальник не захотел его держать у себя, и его погнали по Сибири дальше. Жил он и в Охотске, но и там не прижился. В конце концов оказался на Камчатке, в Большерецке. Дальше посылать было некуда – за Камчаткой началось море. Отец и остался жить в Большерецке, где скоро женился на камчадалке.

Матери своей я не помню совсем. Она умерла, когда мне было два года. Отец вынянчил меня один на звериных шкурах, выучил говорить по-русски, а когда я подрос, даже грамоте научил. Меня он очень любил и в детстве много со мной возился. Я его тоже любил, привык к его страшному лицу и считал его даже красивее других людей. С виду он был похож на айноса: ходил в старой меховой кухлянке с собачьим воротником и отрастил бороду до живота. Мысль о бегстве теперь ему уже и в голову не приходила. Стал он бережливым хозяином и всё больше молчал. Кузнечеством занимался мало, промышлял охотой. Бил медведей, волков, а главное, мелкого зверя. Этим мы и жили, потому что отец, как осуждённый на вечную ссылку, никакого пособия от казны не получал.

По закону я был свободным человеком, но детей ссыльных тогда из Сибири не выпускали. И как наследник двух пудов пороха и двух ружей я, конечно, превратился бы в заправского охотника, тем более что я любил Камчатку с её морозами и туманами и не имел нигде

больше на земле ни родственников, ни друзей. Но вышло наоборот. Камчатским охотником я не стал, а обзавёлся знакомствами чуть ли не на всей земле. Но об этом дальше.

Наш посёлок ссыльных находился в версте от Большерецка. Городок этот был в ту пору небольшой: сорок домов, деревянная церковь, казённый кабак да крепость—острог. В крепости жил комендант Камчатки капитан Нилов да полсотни солдат. А в городе жили купцы, казаки, охотники. Стены у крепости были деревянные, а по углам стояли пушки. Вот и весь город. А наш посёлок был и того меньше: десяток домов вместе с сараями. Жили ссыльные без всякой охраны, потому что начальство считало, что никуда из Камчатки убежать нельзя, да и мы сами так думали.

Все ссыльные, кроме отца, были из дворян и на Камчатку попали за заговоры против цариц. Им из России присылали иногда деньги и разные вещи. Но наравне с нами они занимались охотой и рыбной ловлей. За деньги не всегда можно было купить здесь продовольствие.

В то время, к которому относится мой рассказ, в нашем посёлке, кроме нас, жило четверо ссыльных. Трое из офицеров, а один—лекарь, немец Магнус Медер. Медер мне казался важным господином. Ходил он в круглых очках и всюду носил при себе часы. Осенью он бродил по болотам, собирал травы для лекарств. Недалеко от нас жил другой ссыльный — офицер Хрущёв. Дом у него был большой, и, должно быть, был Хрущёв богатым человеком. Летом он иногда одевался, как настоящий дворянин, и ходил по посёлку в белых чулках и шёлковом кафтане. Был ещё ссыльный — старый офицер Турчанинов. Его я в детстве боялся, потому что говорить он не умел, а только выкрикивал отдельные звуки да махал руками. Потом я узнал, что у него отрезана половина языка за то, что в Петербурге он изругал императрицу. На краю поселка жил офицер Леонтьев, нелюдимый, бледный. Вечно он кутался в одеяло и редко показывался на улице.

Отец с офицерами не знался. Он считал, что и ноздри у него вырваны по офицерской милости. Всегда он обходил их дома кругом и никогда им не кланялся. За это офицеры нас просто не замечали. Да мы в этом и не очень нуждались.

У нас была маленькая изба, низкая, как гроб, построенная отцом ещё до моего рождения. Была лодка-байдарка на два человека, лёгкая, как листок, сделанная из ивовых прутьев и тюленьих кож. Ещё была собака Нест, порох и ружья. А больше ничего у нас не было.

Впрочем, была ещё одна вещь: книга, купленная отцом в Большерецке у какого-то канцеляриста. По книге этой я учился

грамоте и знал ее наизусть. Называлась она «Юности Честное Зерцало» и содержала в себе букварь и правила любезного поведения. Правила эти мне на Камчатке негодились, как, впрочем, и сама грамота. Ведь других книг у нас не было, и я даже не представлял себе, что из книг можно многое узнать. Если я что-нибудь и знал в то время, то только из рассказов.

Кое-что рассказывал мне мой приятель Ванька Устюжинов. Он был сыном большевецкого попа и со слов отца просвещал меня по части Священного Писания и истории. Но Ванька сам знал мало, а что знал, то давно рассказал. Поэтому мы обыкновенно угощали друг друга рассказами собственной выдумки. Мечтали переплыть моря и погулять по чужим краям. Но что делается в этих чужих краях, мы оба не знали, как не знал и поп, Ванькин отец.

Зато о моей родине, Камчатке, я знал гораздо больше. К отцу иногда заходили камчадалы, особенно один – Паранчин, родственник моей матери. Он дружил с отцом, давал ему оленей и помогал продавать меха. Был Паранчин христианином и хорошо говорил по-русски. Являлся он к нам всегда неожиданно и очень любил сообщать и узнавать новости. От него я прежде всего научился камчадалскому языку и узнал множество слов других камчатских языков. Знал, что олень называется по-якутски «орон», а по-коряцки – «элли вух».

Паранчин, со слов стариков, рассказывал мне, как русские покорили Камчатку и как начали истреблять камчадалов ни за что, ни про что. Как потом камчадалы вместе с Курилами решили отомстить русским и за это жестоко пострадали. Паранчин мне рассказывал ещё о собаках, на которых ездят зимой, о китах, а птице гаге и о мышах тегульчич. Он меня научил, как можно под землёй находить запасы этой мыши – кедровые орешки и коренья сараны. Осенью мы ходили за этими орехами и иногда приносили по пуду. Но тот же Паранчин растолковал мне, что если унести все мышьиные запасы, то тегульчич с горя повесится на раздвоенном сучке. Надо непременно оставить ей в обмен на орехи икры или ещё какой-нибудь снеди, чтобы не случилось этого несчастья. Паранчин мне рассказывал о камчатских вулканах, из которых в старину брали огонь.

Позже, когда я подрос, я стал понимать, что в словах камчадала было много и выдумки. Так, Паранчин утверждал, что зимой по горам разъезжает карлик Пихляч в санках, запряжённых белыми куропатками. Если наступишь на его след, заблудишься, замёрзнешь, непременно пропадёшь. Если же ударишь по следу ивовым прутиком, то Пихляч сейчас же явится и притащит черно-бурую лисицу. Однако

ничего похожего никогда не случилось, хотя я брал с собой на охоту прутик и бил им по следам куропаток не один раз. Постепенно я перестал доверять Паранчину, и он из учителя превратился в приятеля. Я всегда был рад поболтать с ним, потому что отец мой был неразговорчив.

И вот теперь, когда я стоял на страже у наших дверей, я увидел вдали оленью упряжку и самого Паранчина в санях. Длинной палкой он колотил оленей по рогам, и видно было по всему, что он спешит к нам. Я стукнул в порог пяткой два раза и стал его дожидаться.

Но Паранчин на меня и не посмотрел. Бросил оленей и прямо прошёл в избу.

Я понял, что он привёз какие-то важные новости, тем более что ехал он от моря. И я вошёл в избу следом за ним.

От Паранчина сильно пахло оленьими и жиром. Он снял шапку, низко поклонился отцу, который только что успел упрятать под кровать порох. Потом закричал немного нараспев:

- Живо, Степан Иванович, собирайся, на лодке ехать надо. Корабль пришёл из Охотска ночью. Стал на Чекавке. Надо ехать добро менять.

Корабли в Большерецк приходили редко – раза три в год. А зимой совсем не приходили. Поэтому сообщение Паранчина было для нас приятной новостью: на корабле можно было обменять шкурки.

Отец закричал:

- Лёнька, забирай пяток соболей и лисицу!

Я не заставил себя упрашивать, натянул новые торбасы – меховые сапоги – прямо на голые ноги, накинул кухлянку, увязал шкурки в тюленью кишку, чтобы не промокли. Вышли из избы вместе, все трое.

Скоро мы уже возились на берегу реки Большой у нашей байдарки. Спустили ее на воду, отец взялся за весло. Паранчин остался на берегу, так как в лодке было всего два места.

И вот мы поплыли по реке к ее устью, которое называлось Чекавкой.

2. НОВЫЕ ЛЮДИ

Всю осень этого, 1770-го, года шли проливные дожди и стояли оттепели. Поэтому Большая до конца ноября не замерзла, хотя в прежние годы всегда покрывалась льдом к началу ноября. Ближе к Чекавке река не замёрзала совсем. Там заходили с моря приливы и не давали льду устанавливаться. Когда мы выехали, был отлив, и вода бурно бежала к морю. Волны подхватили лодку, и я оглянуться не успел, как вдали показалась беспокойная ширина устья и качающийся корабль. Это был «Пётр», казённый галиот, приписанный к Охотску.

Когда мы подошли к кораблю ближе, отец сказал:

- Здорово его потрепало, горемыку...

Действительно, на корабле не было задней мачты, и с бортов свешивались длинные ледяные сосульки. «Пётр» имел жалкий вид, хотя пузатые борта его довольно высоко поднимались над водой.

Мы подошли к кораблю вплотную и стали выискивать, где бы можно подняться. С борта свисал узловатый канат. Я уцепился за него и стал карабкаться на корабль. Отец остался в лодке: ему, как ссыльному, запрещалось входить на морские суда.

На палубе ничего нельзя было разобрать. Мачта была сломана, и обледенелые снасти перепутались. Трудно было пройти, чтобы не упасть. У борта матрос в полушубке рубил лёд топором.

Он заметил меня и закричал:

- Ты откуда взялся?

- Из Большерецка.

Посмотрел на меня пристально:

- Ты что, курил?

- Я не курю, - ответил я серьезно.

Матрос захохотал:

- Тебе чего здесь надо?

- А что у вас есть? У меня соболя... Порох есть?

Соболя у нас ходили как деньги, и я знал, что на кораблях за них дают хорошую цену. На этот раз мне не повезло.

- Какого тебе пороху? – закричал матрос. – Не видишь разве, что у нас делается? Почти весь груз пропал, без хлеба зиму будете сидеть. И корабль-то едва уцелел...

И он тут же положил топор и принялся мне рассказывать о тех приключениях, которые выпали на его долю за последнюю неделю. Прежде всего я узнал, что он – охотский казак и фамилия его

Андреянов. Плавать он начал недавно и в морском деле понимал, должно быть, немного больше моего.

- Погрузили, значит, братец ты мой, - начал он после этого предисловия, - в Охотске соль, муку для большерецкого острога да пятерых ссыльных нам дали в придачу, чтобы сюда завезти. Вышли в море, поднялся ветер с норда. Начал он нас трепать. Сильная волна хлещёт через корабль. Палуба и обмёрзла. Ядра по кораблю, как горох, катаются. Капитан вышел пьяный, только рот раскрыл – бах! – с ног свалился и руку сломал. Стал подниматься, опять упал, сломал ногу. Унесли мы его в каюту, а буря ещё сильнее. Не знаем, что делать. Штурманы, будь им неладно, спорят, а команды не дают. Я, конечно, думал, что гибель наша пришла, родителей поминать стал. Вдруг – трах! – задняя мачта упала. Что ты будешь делать? Выходит тут из каюты ссыльный один, поляк, из тех пятерых. «Сто пятьдесят ведьм! – говорит. – Вы что же, погубить нас хотите?» Мы говорим: «К тому делу клонится». Сошёл он к капитану в каюту, поговорил с ним впол-голоса, выходит на палубу с рупором. Вышел на палубу да как закричит: «Тысяча ведьм! Убирай паруса! Руль на зюйд – и больше никаких!..» Видим мы, что в морском деле он понимает и ругается не хуже капитана. Подобрали паруса, как он приказал. Два дня мотались. А на третий день и земля показались.

- Камчатка? – спросил я.

- Какой там! Сахалин. Отнесло нас в другую сторону. Но все живы остались.

- А как поляка звать?

- Август Беспокойный. Хотел он, значит, у Сахалина отстояться, да капитан не разрешил. «Держите, - говорит, - на норд». Август положение определил, поправили мы груз и потащились через море черепашим шагом. Так и дошли.

Рассказ матроса мне понравился. Я уже предвкушал, как расскажу его Ваньке Устюжину. Особенно меня заинтересовала личность таинственного поляка. Я огляделся по сторонам и тихо спросил:

- А где же поляк-то этот? Убежал, что ли?

- Нет, не убежал. На берег их всех спустили, в сторожку. К коменданту повезут, как лодка придёт из крепости. Даст ему Нилов рублей сто за геройство...

- Офицер он?

- Сказывают, генерал...

А генералах я тогда ещё ничего не слышал. Не знал даже твёрдо, что это значит. Хотелось, конечно, расспросить матроса, да времени не было. Чтобы закрепить приятельские отношения с Андреяновым, я вынул пригоршню кедровых орехов из кармана:

- Держи.

Андреянов взял орехи.

- Сказывают, что в бою его забрали в плен, - продолжал он свой рассказ. – На одну ногу припадает – должно, ранен...

Но мне уже некогда было слушать дальше. Я спросил деловым тоном:

- А сахарку у вас не найдется?

- На мену нет. Тебе один кусок дам. – Пошарил в карманах и вытащил обгрызенный кусок сахара.

- Больше нет, подмок.

Я поблагодарил и начал прощаться.

- Заезжай ещё, как посвободнее будет, - сказал мне Андреянов на прощанье. – Будем трюм разбирать, может, и порох найдётся...

- Ладно, приеду. Спасибо на приглашение...

Я спустился в лодку по тому же канату. Отец отругал меня за то, что я долго оставался на корабле и вернулся с пустыми руками.

- Нечего сказать, с толком сплавали! – буркнул он и принялся грести.

К нашему счастью, прилив начал подниматься, течение изменилось. Мы быстро поплыли назад.

Тут я увидел, что от берега отвалила крепостная шлюпка на шести вёслах. В ней сидели казаки и, должно быть, новые ссыльные. Я попросил отца подойти к ним поближе. Отец налег на весло, и мы стали их догонять.

В это время со стороны Большерецка показалась байдарка с ссыльными офицерами. На носу стоял высокий офицер Хрущёв, в белой кухлянке с длинным мехом по подолу, в какой камчадалы хоронят покойников. Он что-то кричал. Мы подошли ещё ближе и могли видеть всё, что происходит.

Хрущёв высоко поднял руку и закричал новым ссыльным:

- Привет! Какие новости в Европе?

- У кого спрашиваешь? – ответил ему конвойный казак. – Не видишь разве? Ссыльные... Откуда им знать...

- Ссыльные... Ура!.. – закричал Хрущёв.

- Ура! – подхватили офицеры.

Тогда один из новых вскочил на скамейку в шлюпке и крикнул:

- Две тысячи ведьм!.. В чем дело? Мы сюда приехали не для того, чтобы над нами издевались первые встречные...

У этого человека было обветренное худое лицо, поросшее светлой бородой. Но голос его звучал крепко. Никаких сомнений не могло быть в том, что это и есть Август Беспоконный. Как раз ведьмами угощал он матросов среди бури.

- Не обижайтесь на нашу радость, - сказал Хрущёв, когда байдарка и шлюпка встретились. - Мы ваши товарищи по несчастью. Отсидите здесь с моё, поймёте наше «ура»...

- В таком случае, приветствую вас! - сказал поляк и поднял руку.

Хрущёв продолжал:

- За что вы попали в наши места, и кто вы такой?

- В прошлом - польский генерал, - отвечал поляк весело. - Когда нужно - капитан дальнего плавания. А в настоящий момент - раб русской императрицы. Но в обиду себя нигде не даю...

Байдарка и шлюпка сошлись вместе. Хрущёв пожал поляку руку и заговорил с ним быстро на каком-то незнакомом языке. Поляк ответил.

Я ровно ничего не мог понять из их разговора. Понял только, что они говорили не по-камчадалски и даже не по-китайски.

Их лодки шли медленно. Мы им срезали нос и оставили их далеко позади.

У самого нашего селения на берегу торчала фигура Паранчина. Он начал радостно махать руками. Помог вытащить байдарку и справился о порохе. Отец ничего не ответил, предоставляя мне рассказать камчадалу о нашей поездке. Я это и сделал немедленно же, угостив Паранчина в придачу половиной сахарного куска.

Отец ушел домой, а мы с Паранчиным остались на берегу. Он непременно хотел посмотреть новых ссыльных, а я должен был показать ему, который из них поляк. Скоро офицерская байдарка и шлюпка вышли из-за поворота.

Офицерская байдарка причалила к берегу недалеко от нас. А шлюпка с вновь прибывшими пошла дальше, к Большерецку. Начинались сумерки, и шлюпка пропала в сероватой мгле. Паранчин едва разглядел Августа Беспоконного.

Так впервые я увидел человека, который сыграл в моей жизни большую роль. С этого дня всё переменилось в нашем Большерецке. Новости начали возникать так стремительно, как будто за их изготовление принялся сам Паранчин. Тихая жизнь наша была потрясена до самого основания.

Начать с того, что на другой же день в полдень к нам в избу вломился, как безумный, Ванька Устюжинов. Он сел на лавку, отдышался, потом вскочил и заорал:

- В Большерецке открывается школа!..

Дальше он, захлёбываясь, сообщил, что в школе будут учить не только грамоте, но и геометрии и географии. Устраивает школу пленный поляк, которого зовут не Август Беспокойный, а Август Беспойск. И что Нилов приказал начать занятия не позже как через неделю.

Из этого сообщения я прежде всего понял, что поляк мог быть при нужде не только капитаном дальнего плавания, но и учителем и что, таким образом, приезд его в наши края касается и меня.

3. НОВЫЕ ДЕЛА

Мы вышли с Ванькой на двор, и тут он мне более подробно рассказал всё, что узнал о новом приезде и его планах.

Беспойск был польским помещиком и имел двойное имя – Морис-Август. Ему было двадцать пять лет, когда родные отобрали у него имение, и он решил сделаться моряком. В немецком городе Гамбурге он изучал мореплавание и уже собирался плыть в Индию, когда поляки у него на родине составили заговор – конфедерацию, чтобы прогнать своего короля. Беспойск решил примкнуть к заговору, приехал в Варшаву, дал присягу на верность конфедератам и получил командование над кавалерийским отрядом. Русская императрица вступилась за польского короля, и Беспойск несколько раз дрался с русскими. В конце концов он был ранен в сражении и попал в плен. В кандалах его отправили в Киев, а оттуда в Казань, в ссылку. Однако он недолго пробыл в Казани. Вместе с пленным шведом Винбландом он бежал оттуда, переодевшись в форму русского офицера. Добрался до Петербурга, чтобы уплыть за границу на корабле. Но капитан корабля, голландец, донёс об их планах тайной полиции. Ночью, когда Беспойск и Винбланд усаживались в шлюпку на Неве, их арестовали и заключили в Пётропавловскую крепость. Потом в наказание за побег тайный суд приговорил их к вечной ссылке на Камчатку. Поэтому оба они к нам и приехали.

Всё это Ванька рассказал мне со слов своего отца, который часто бывал у Нилова. Ванька добавил, что Нилов принял Беспойска очень любезно, благодарил за спасение корабля, оставил обедать и за обедом велел рассказать всю свою жизнь. Когда Нилов узнал, что Беспойск знает языки и географию, он просил заниматься этими предметами с его сыном Васькой. Беспойск согласился, но тут же попросил разрешение открыть школу для всех желающих. Нилов вызвал купцов, и один из них – богач и самодур Казаринов – обещал пожертвовать лес на школу. Остальные пообещали поддержать гвоздями. Так что теперь, значит, всё дело за постройкой избы для школы.

- Так-то так, - сказал я, подумав. – Школа – это великое дело. Но позволит ли мне Нилов в ней учиться?

- А почему не позволит? – спросил Ванька.

- Потому не позволит, что я сын ссыльного.

- Что ж такого, что сын. Сам ты свободный человек. А потом, раз ссыльный будет учителем, почему тебе не учиться?

- Это верно, - поспешил я согласиться. – Но вот ещё в чём дело: сколько он будет брать за учебу? Если деньгами, ничего не выйдет. Вот если шкурками, тогда я ему настроляю. Да и теперь у меня есть две лисы-огнёвки.

- Конечно, от шкурок поляк не откажется. Ему шуба нежна, - уверенно заявил Ванька. – А за меня отец обещал платить...

Разговаривая о школе, мы медленно шли по дороге в Большерецк, а потом повернули назад. Ванькин отец запретил ему знаться со мной, и мы встречались тайком.

Тут мы услышали, что позади нас едет собачий поезд. Слышно было, как кричали на собак и разговаривали. Мы остановились, чтобы посмотреть, кто едет. Скоро собаки поравнялись с нами. Впереди на нарте ехал Беспойск, уже без бороды, и в руках у него была большая пила. Вместе с ним сидел седой старик. На второй нарте ехали тоже двое. Один плохо говорил по-русски – должно быть, это был Винбланд. А другой кричал и бил по собакам. Кто это был такой, я не знал.

Собачий поезд остановился у избы Хрущёва, и ссыльные слезли с нарт. Сам Хрущёв вышел к ним навстречу и пригласил войти. Мы постояли невдалеке, посмотрели, а потом я пошёл провожать Ваньку. Дорогой ещё встретился нам ещё один из новых. Он спросил нас, где изба Хрущёва. Мы ему показали, и он пошёл, покачиваясь, и песню запел:

Батюшка богат, черевички купил...

Мы догадались, что он пьян.

Отец долго не было дома в тот день. Он ходил на охоту и вернулся к ночи. Принёс только одного горностая, бросил его вонючую шкурку в угол и ничего не стал говорить. Я понял, что он обзлён своей неудачей, и не стал лезть к нему с разговорами.

Укладываясь на свою медвежью шкуру, которая служила мне постелью, я почему-то старался убедить себя, что никакой школы не будет в Большерецке. После ухода Ваньки я решил, что всё равно учиться мне не придётся. Я уже готов был заснуть, как в раму сильно постучали. Солдат за окном закричал:

- Полозьев, завтра в шесть выходи на работу в крепость. Топор с собой возьми и лопату.

Отец ответил:

- Ладно.

И принялся ворчать, что, мол, скоро Новый год, меха требуют в канцелярию, а на охоту ходить не дают. А я понял, что вызывают его на постройку школы. Значит, школа всё-таки будет? Неужели не попаду?

С такими печальными мыслями я заснул.

На другое утро отец рано ушёл в крепость. Велел мне принести обед, если днём домой не вернется. Так и случилось – он не пришёл. Я собрал рыбы, сухарей и пошёл в Большерецк.

На месте постройки народу было человек двадцать. Даже казаки работали и офицеры – расчищали снег. Солдаты подтаскивали стволы листовниц для сруба. В Большерецке тогда было всего три лошади, и их очень берегли. Поэтому и брёвна таскали люди. Нилов, очевидно, очень торопился с постройкой. Сержант из крепости наблюдал за работами и сильно ругался, когда кто-нибудь останавливался передохнуть.

Отец взял у меня еду и велел идти домой. Он не любил, когда в избе нашей никого не было.

Вечером отец вернулся с работы очень усталый. Сердито бросил топор в угол, сел на лавку, сказал:

- Да, брат, построят школу, да не для нас. Пять с полтиной будут брать в месяц за учение...

И принялся ужинать.

Я, конечно, не смел и заикнуться о моём желании ходить в школу. Пять с полтиной – ведь это было девять соболей!

Ночь эта была бурная. Ветер с Ледовитого океана гнал снег и за окном подвывал, как собака. Мне всё время казалось, что к избе кто-то подъезжает. Я никак не мог заснуть и ворочался. Отец сидел около плиты с жиром и чинил торбасы. Огромная тень сапога колыхалась на стене и на потолке. Отец затыкивал зубами жилу, когда в дверь тихо постучали.

- Стучат. Неужели Паранчин в такую пору? – сказал отец неразборчиво. – Открой, Лёнь.

Я завернулся в своего медведя, прошёл к двери и отодвинул засов. Два человека в шубах стояли за порогом. Они быстро вошли и отряхнули с себя снег. Удивление меня взяло: это были офицер Хрущёв и Август Беспойск.

- Мы к вам, Степан Иванович, - сказал Хрущёв отцу, как старинный приятель. – Хоть и мало знакомы, а соседи всё-таки. А это наш новый товарищ по несчастью – Август Самойлович Бенёв.

Отец смущённо встал и не знал, что говорить. Тогда Беспойск протянул ему руку и сказал бодро:

- Можете вы идти с нами? По очень важному делу?

Отец отрицательно покачал головой:

- У меня починка, сапоги развалились. И завтра рано вставать на работу.

- Будто?

И Беспойск на ухо прошептал ему что-то. Отец долго смотрел на него, потом усмехнулся и начал надевать кухлянку.

- Запрись, Лёнька, - сказал он мне тихо, - и никого не пускай. Я скоро вернусь.

И они ушли все трое, больше не сказав ни слова. Отец даже топора с собой не захватил. Поэтому я догадался, что важное дело затевается где-то недалеко.